

КРЕСТ МАСТЕРА БОГШИ

Полоцкие ювелиры

Столице нашего первого древнего государства принадлежит значительный вклад в развитие культуры славянства и Европы в целом. Благодаря прежде всего усилиям археологов, сегодня уже возможно достаточно полно представить и картину средневекового полоцкого искусства.

Богатые данные проведенных в Полоцке исследований позволяют проследить историю и достижения художественных ремесел. Найденные в культурных слоях XII–XIII веков типы и каменные формы для отливки традиционных у кривичей серег из трех бусин, крестиков-натальников, клино- и монетовидных подвесок свидетельствуют о высоком уровне развития литейного дела. Полоцкие мастера пользовались всеми распространенным и на восточнославянских землях приемами обработки благородных и цветных металлов. У жителей княжества времен Евфросинии большой спрос имели кривичские височные кольца, пластинчатые и смелкими стеклянными вставками перстни, пластинчатые и витые браслеты. Интересную группу художественных изделий составляют монетовидные подвески. С распространением христианства в них наряду с прежней солярной символикой все чаще появляются изображения креста.

Наиболее яркие образцы таланта и мастерства полоцких ремес-

ленников — ювелирные изделия, большинство из которых обнаружено археологами на территории современного Верхнего замка — древнего сердца столицы княжества. Среди полоцких ювелиров были мастера по обработке янтаря. Были чеканщики, которые могли оковать турий рог серебром, изобразив на нем причудливые сюжетные композиции. Были специалисты по скани, черни и зерни. На женскую подвеску-юлт размеров в ноготь мастер мог напаять более трехсот металлических зерен.

Взлет в Полоцке времен просветительской деятельности княжны-игумены переживало и искусство эмали, чьи произведения, самое выдающееся из которых — Крест святой Евфросинии, ничем не уступали имевшим всемирную славу византийским изделиям.

Чтобы дать хотя бы приблизительное представление о сложности технологии эмальерного искусства, рискнем предложить читателю перевод соответствующего фрагмента из созданного в XII веке пресвитером Теофилом «Трактата о разных ремеслах».

«Возьми тонкую пластинку, прикрепи ее к верхнему краю сосуда и измерь от одного ушка до другого, и эта пластина должна быть такой ширины, как те камни, которые ты хочешь в нее вставить*. Помещая их в определенном порядке, ставь таким образом: сначала пусть будет поставлен один камень с четырьмя жемчужинами по углам (как угловые точки квадрата), затем — эмаль, возле нее камень с жемчужинами, опять эмаль. Располагай все так, чтобы около ушек сосуда всегда были камни, их «домики» и «поля», а также «домики», в которые надлежит вставить эмаль. Если ты хочешь посадить в середине туловища драгоценные камни и жемчуг, сделай таким же образом. Сделав это, ты соединишь и припаяешь также ушки. В каждый «домик» (гнездо), куда нужно поместить эмаль, ты вложишь тонкую золотую пластинку; пригнав, ты ее вынешь и по масштабу и линейке отрежешь кусочек золота, несколько более толстый, и изогнешь его по краю каждого «домика» в два ряда так, чтобы между ними оставался пустой промежуток, который называется бордюром эмали. Затем по тому масштабу и той же линейке ты отрежешь кусочки чрезвычайно тонкой золотой пластинки; тонким пинцетом ты придашь им такую форму, которую ты захочешь заполнить эмалью. Это могут быть кружки, углы,

* Речь идет об изготовлении золотой чаши, украшенной эмалью и, драгоценными камнями и жемчугом.

цветочки, птицы, животные, картины; ты расположишь очень внимательно и тщательно эти листочки по своим местам и, прикрепив их с помощью мучного клея, поставишь надулями. Когда заполнишь одну часть, укрепи ее с чрезмерной осторожностью, чтобы вся тонкая работа не расплавилась. Повтори так дважды или трижды, пока отдельные частицы не закрепятся. Распределив и укрепив таким образом все детали, возьми стекло всех видов, какие ты приспособил для этой работы, и от каждого вида стекла немножко отломай, положи их все сразу на одну медную доску, каждую штуку отдельно. Поставь на огонь и положи угли вокруг и сверху и, раздувая огонь, тщательно смотри, равномерно ли они расплавляются. Если да, то пользуйся всеми, если же какое-нибудь стекло окажется твердым, то отложи его особо. Возьми отдельные кусочки испробованного стекла, особо сунь каждый в огонь и, когда оно раскалится, брось в медный сосуд с водой. Оно растрескается на мелкие части, которые ты размельчи круглым пестиком, пока они не превратятся в порошок. Прополощи его, положи в чистую раковину и покрай льняной тряпкой. Таким образом ты расположишь отдельные краски (цвета). Сделав это, возьми одну пластинку спаянного золота, прикрепи ее на ровной доске в двух местах воском, возьми гусиное перо, тонко срезанное, как для письма, но с более длинным и нерасщепленным носиком, втяни им любое крашеное стекло, которое еще мокро, и тонкой верхушкой длинной медной проволочки выскреби сверху из острия пера стеклянный песок и наполни им любой завиток в той мере, в какой ты хочешь. То, что останется, положи в свою посудину и закрой и так делай с каждым цветом, пока не заполнится одна часть. Убрав склеивающий воск, положи эту часть на тонкую железную пластину с короткой рукояткой и прикрой другой вогнутой железной крышкой с мелким и отверстиям и всюду, причем нужно, чтобы отверстия с внутренней стороны были гладкие и большие, снаружи — меньшие и шероховатые. Это предохраняет от пепла сверху. В этой железной крышке должно быть сверху небольшое кольцо, с помощью которого ты будешь ее надевать и снимать. Сделав это, уложи крупные длинные угли и сильно разожги их. Освободи между ними место и уровняй его деревянным молотком. На это место помести железную пластину, взяв ее щипцами за рукоятку. Аккуратно поставишь ее прикрытую, положишь угли вокруг и сверху и, взявшись обеими руками за меха, раздувай огонь со всех сторон, пока угли равномерно

не загорятся. Пусть у тебя будет цельное крыло гуся или какой-нибудь другая крупная птицы, растянутое и привязанное к деревянной ручке. Сильно маши им со всех сторон, пока не увидишь, как между ульями отверстия железной крышки совершенно раскалились. Тогда перестань махать. Подождав около получаса, постепенно убирая все ули и опять подожди, пока все отверстия в железе не потемнеют. Тогда возьми железную пластину за ручку и вместе с крышкой поставь за печью в уголок, пока все не остынет. Открыв, возьми эмаль и помой ее, затем опять наполнишь и вольешь, как раньше, и так делай, пока все гнезда не заполнятся эмалью.

Сделав это, возьми кусок воска длиной в половину большого пальца. Вставь в него эмаль так, чтобы она со всех сторон была в воске, за который ты ее будешь держать. И три самую эмаль ровным песчаником с водой, пока отовсюду не покажется золото. Затем равномерно и очень долго три ее о твердый оселок, пока она не засверкает. Затем, поплавав на этот же самый оселок, потри боковую часть черепка старой посуды. Три до тех пор, пока слюна не станет густой и красноватой. Намажь еюровную свинцовую пластину, о которую будешь слегка тереть эмаль, пока ее цвета не станут прозрачными и сверкающими. Затем снова потри кусочком черепка о тот же оселок, который ты смочил слюной; слону эту намажешь на козью шкуру, прикрепленную к ровной деревянной доске, о нее ты будешь тереть самую эмаль, пока она вся не засверкает, причем так, что если одна половина ее будет мокрой, а другая — сухой, то никто не сможет заметить, какая половина мокрая, какая сухая».

Примерно так работали создатель шедевра древнебелорусского ювелирного искусства, которому было предназначено стать нашей национальной реликвией и войти в историю под названием Креста святой Евфросинии Полоцкой.

«С мечом Рогнеды, с крестом Предславы»

В фондах Белорусской библиотеки имени Францишка Скорины в Лондоне автору этой книги посчастливилось познакомиться с уникальным изданием — журналом православных белорусов «Зъвіняцьзваны Святой Сафій». Его в 1946 году начал выпускать в западногерман-

сюм городе Регенсбурге один из наших известных литераторов Юрка Вильбич, вместе с сотнями тысяч соотечественников оказался волею судьбы в эмиграции. По моему мнению, как раз Вильбич — глубокий патриот прекрасный знаток белорусской истории — оставил наиболее возвышенные и проникновенные слова об исключительном значении Креста святой Евфросинии в духовном бытии нации.

«Когда обращаешься к прошлому нашей Беларуси, сразу же возникают в памяти изо мглы веков две знаменитые женщины — княгиня Рогнеда и княжна Предслава. На первый взгляд, между ними нет ничего общего. Действительно, как невозможно представить без меча гордую Рогнеду, так нельзя представить себе скромную Предславу без креста. Но ведь и меч Рогнеды и крест Предславы были могучим физическим и духовным оружием; сплачивавшим нашу родину в единый монолит. Их патриотические чувства нашли яркое воплощение в старинном рыцарском кличе: «Мечом и крестом!» Поэтому и сегодня каждому воинственному и вместе с тем глубоко человечному белорусскому сердцу многое говорят — меч Рогнеды и крест Предславы».

Эти вдохновенные словаозвучны исторической поэтике Янки Купалы, вдохнувшего в образы наших первых христианок, Рогнеды и Евфросинии, идею независимости Беларуси. Как никому, кроме Всевышнего, не принадлежит Христова невеста, которую ждет царство небесное, так и Отечество должно быть свободным и независимым, ибо только тогда исполняются надежды народа на светлое будущее. Неслучайно, кстати, именно Крест святой Евфросинии был изображен на первой почтовой марке суверенной Беларуси.

«Почти в каждом белорусском доме, — читаем далее у Вильбича, — можно было видеть икону святой, где она держала в одной руке лилию, а в другой — свой крест... Исчез крест Предславы, или королевы Кривитчины, как зовется она в римских памятниках. Но все равно мы носим в своих душах меч Рогнеды и крест Предславы. Никакая черная сила не способна вычеркнуть их оттуда. И всем сердцем своим мы чувствуем, что молится за наш многострадальный белорусский народ святая Евфросиния княжна полоцкая — его небесная покровительница, его неугасимая лампада перед Престолом Господа нашего.

Всегда и везде, на родине и на чужбине, вдохновляет нас святой лозунг:

С мечом Рогнеды, с крестом Предславы
За веру и Отечество!»

Повествуя о Кресте полоцкой игумены, Юрка Витьбич задается в своем журнале вопросом: «Когда видишь это высокохудожественное произведение, невольно думается: не является ли он подарком Евфросинии от ее близких родственников — византийских императоров и не изготовлен ли он поэтому неизвестным константинопольским художником?» И сам же отвечает: «Но мелкая надпись на кресте свидетельствует о другом».

Пришло время и нам прочесть эту надпись и рассказать об истории создания бесценной национальной реликвии белорусов.

Животворный символ Вселенной

Полоцкий ювелир Богша, у которого было и христианское имя — Лазарь, создал свой шедевр по заказу Евфросинии в 1161 году. Такую чрезвычайно ответственную работу мастер должен был выполнять с благословения и под наблюдением игумены Спасского монастыря. Сама Евфросиния, вероятно, была автором эскиза святыни и сделанной на ней большой надписи.

Крест служил ювчегом для полученных из Константинополя и Иерусалима от византийского императора Мануила Комнина и патриарха Луки Хрисоверга христианских реликвий, о которых пойдет речь ниже.

Следует подчеркнуть, что уже в глубокой древности наши предки глубоко чтили крест как один из основных символов христианской веры. В кресте находили чудодейственную силу, на нем приносили клятвы, воины брали его с собой в походы. Специалисты насчитывают общую сложности свыше двадцати форм и видов креста.

Крест Богши имеет шесть окончаний-лучей. Шестиконечная форма креста символизировала созданный Богом за шесть дней мир. Современные богословы считают, что «именно в такой форме во-

площен наиболее совершенный символ первобытной Вселенной. Онравно символизирует как распространение Божьей силы, так и процессы возвращения мира к своему духовному центру».

Заметим, что подобная форма креста никогда не была на восточнославянских землях преобладающей и чаще всего встречалась на территории, населенной предками современных белорусов. Наиболее известные изображения шестиконечных крестов сохранились до наших дней на знаменитых «Борисовых камнях».

В странах Западной Европы кресты с шестью лучами были распространены значительно шире. Их можно увидеть и на монетах византийских императоров VII–X веков. Во времена правления династии Комнинов, находившихся в родстве с полоцким княжеским домом Рогволодовичей, шестиконечные кресты вновь появились в Византии. Таким образом, форма, которую получил Крест Евфросинии, связана и с византийской и с западноевропейской традициями.

Как мы уже знаем, в пяти квадратных подписанных гнездах Полоцкого креста находились христианские реликвии: частицы Креста Господнего с каплями крови Иисуса, кусочек камня от гроба Пресвятой Богородицы, части мощей святых Стефана и Пантелеймона, а также кровь святого Димитрия. Наиболее ценными из них являлись частицы Святого животворящего Древа — Креста, некотором, спасая человечество, принял смерть Христос. Согласно замыслу Евфросинии, святыня призвана была вечно «животворить» души полочан и всех жителей родной земли.

Что касается изображений на Кресте полоцкой игуменьи, то они, по мнению автора книги «Белоруссия и Литва» (Санкт-Петербург, 1890) историка П. Батюшкова, отражают «почти всю историю Нового Завета и первобытной Церкви среди обуревавших ее сомнений».

Крест святой Евфросинии олицетворял победу над злом, символизировал единство сил добра. Вместе с тем реликвия сочетала христианские ценности с патриотическими идеалами. Она одновременно являлась символом и святыни древней Беларуси и ее государственности. Крест был призван служить единению земель наших предков вокруг их древнейшей столицы — Полоцка.

Творческий подвиг полочанина

Имя ювелира Богши навеки сохранится в памяти нашего народа вместе с именем патронессы Беларуси.

Представить значимость совершенного полоцким мастером подвига читателю поможет подробное описание созданной им реликвии.

Основа креста деревянная. Во времена Евфросинии важнейшие культовые вещи изготавливали из кипарисового дерева, которое использовали полоцкий мастер. Описи реликвии, сделанные в XIX веке, ее дерево неизменно называют кипарисовым, а не дубовым, как в более поздних документах.

Крест имеет высоту около 51 сантиметра; длина верхней поперечины — 14, нижней — 21, толщина — 2,5 см. Сверху и снизу дерево закрывали золотые пластинки (всего 22), украшенные драгоценными камнями, орнаментальными композициями и двадцатью эмалевыми миниатюрами с изображениями святых.

На верхних концах креста мастер поместил поясные изображения Христа, Богородицы и Иоанна Предтечи. В центре нижнего перекрестья — четверо евангелистов, на концах — архангелы Гавриили Михаил. Внизу — патроны (покровители) заказчицы и ее родителей: св. Евфросиния Александрийская, святые мученики Георгий и София. На обороте — изображения отцов церкви Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, апостолов Петра и Павла, а также святых Стефана, Димитрия и Пантелеймона. Над каждой миниатурой частично греческими, частично славянскими буквами сделана надпись. По сторонам святыни была обложена двадцатью серебряными с позолотой пластинками, а края лицевой стороны обрамлены нитью жумчуза.

Теперь с помощью выдающегося знатока древних эмалей, доктора исторических наук Татьяны Макаровой, а также подробных фотографий, которые датированы 1896 годом, перейдем к более детальному рассмотрению Креста.

Созданное Богшой изображение Спасителя Т. Макарова считает наилучшим изо всех известных изделий перегородчатой эмали восточнославянского происхождения. Мастеру удалось передать тонкие черты лица в форме удлиненного овала, большие черные глаза, изогнутые брови и правильный нос. Две каплями на фоне волос обозначены

уши, борода раздвоена, на лбу — маленькая прядь. Нимб Христа частично, а правая рука полностью утрачены. Левая рука поддерживает украшенное четырехлепестковой розеткой Евангелие. Исследовательница вынуждена пользоваться черно-белыми фотографиями, но интенсивность тонов позволяет предположить, что варсенале мастера была эмаль пяти или шести цветов.

Ближайшей аналогией этого изображения является медальон бармы* из хорошо известного археологам и искусствоведам Киевского клада 1824 года, и это позволяет высказать предположение, что Богша пользовался эмалями темно-пурпурного, изумрудного, темно-синего, светло-голубого, черного, телесного, белого и красного тонов. Между иконками и медальона и Креста святой Евфросинии существуют отличия, но сходства значительно больше, что дает основания с высокой степенью вероятности вести речь об авторстве Лазаря Богши и в отношении киевского медальона.

Пластина с эмальной иконкой Пресвятой Богородицы сохранилась достаточно хорошо. Аналогии с подобными изображениями позволяют считать, что для мафория полуцкий ювелир использовал темно-синюю эмаль, для нимба — светло-синюю, для покрывала под мафорием — зеленую, для креста, губ и надписей — красную.

В хорошем состоянии изображение Иоанна Предтечи: выразительное, с проникновенными глазами и густыми бровями лицо, волнистые волосы, борода. Иоанна, Луку, Матфея и Марка, изображения которых сильно повреждены, мастер представил с открытыми Евангелиями в руках. На примере евангелистов Т. Макарова отмечает характерный для произведений Богши тип лица: большие глаза, правильный нос, слегка опущенные уголки губ.

Пластина с иконкой Евфросинии Александрийской не сохранила лица и рук святой, но восстановить ее облик можно, обратившись к знакомой уже нам фреске Спасского храма, которую называют вероятным портретом знаменитой полочанки.

«Портретный» ряд лицевой стороны Креста завершают изображения патронов родителей Евфросинии — святых Георгия и Софии. Они богаты колоритом, отличаются насыщенностью тонов.

* Б а р м ы — металлические (серебряные, золотые) либо сделанные из ткани наплечники с изображениями религиозных святынь, в вышитыми золотом и укращенными эмалями, са мо цветами и же мчугом.

Обратную сторону полоцкой реликвии «открывает» изображение Иоанна Златоуста в украшенном крестами омофоре. Гамма — пять цветов, в том числе красный и черный либо синий.

В иконке святого Василия Великого гармонически сочетаются белый, желтый, светло- и темно-синий, зеленый и красный или пурпурный цвета. Не менее пяти тонов эмали мастер использовал и на особой пластинке с орнаментом.

Полностью утрачена икона с апостолом Петром, воссоздать облик которого возможно благодаря русским и грузинским аналогам. Отдельного портрета апостола Павла уцелела лишь правая рука, поддерживающая украшенное камнями Евангелие.

Святые Стефан, Димитрий и Пантелеймон исполнены в более сдержанном цветовом диапазоне. Утраченные фрагменты поддаются восстановлению по другим изображениям, в частности — архидиакона Стефана с каменной иконки, найденной в культурном слое первой половины XIII века на менском Замчище.

Необходимо подчеркнуть, что громадная ценность составленного Т. Макаровой описания Креста Богши — в его сравнительном характере. Это дало возможность с весьма высокой точностью как воссоздать утраченные или поврежденные изображения, так и реконструировать их цветовую гамму.

Памятник белорусской письменности

Крест Евфросинии Полоцкой — одновременно и ценный памятник древнебелорусской письменности. Короткая мелкая надпись на обратной стороне, возле мощей св. Пантелейиона, сообщает нам имя автора этого художественного шедевра и то, что он создан для храма святого Спаса: «Господи, помози рабу своему Лазорю, нареченному Богьши, съделавшему кръсть сии цркви святаго Спаса и Офросинъ». Начало этой надписи совпадает с высеченной на «Борисовых камнях».

На позолоченных пластинках — большой текст с интересными историческими сведениями: «Въ лето 6669 покладаеть Офросинъ чистыный кръсть въ манастыри своемъ въ цркви святого Спаса. Чистыное древо бесценно есть, а кованье его, золото и серебро и

каменье и жънчюгъ въ 100 гривнъ, а да... (пропуск. — *B. O.*) 40 гривнъ. Да не изнесеться из манастиря никогда же, яко ни продати ни отдати. Аще секто преслоушаєт изнесеть и отманастиря, да не боуди емоу помощникъ чистынь крестъ ни въ се(й) векъ, ни въ боудоущий и да боудеть проклять святою животворящею троицею и святыми отци 300 и 50(?) семио съборъ святыхъ отецъ, и боуди емоу часть съ Иудою, иже преда Христа. Кто же дръзнетъ сътвори се...(пропуск)властелинъ, или князъ, или пискоупъ, или игуменъ, или инъ который любо человекъ а боуди емоу клятва си. Офросиньяже, раба Христова, сътяжавъши крестъ сий, прииметъ вечную жизнь съ всеми святыми...»

Переведем этот текст на русский язык: «В лето 6669 (по современному летосчислению, 1161. — *B. O.*) кладет Евфросиния честной крест в монастыре своём, в церкви святого Спаса. Святое дерево бесценно, окова же его, золото и серебро, и камни и жемчуг на 100 гривен, а до... (пропуск) 40 гривен. Да не выносят его из манастиря никогда, и не продают, не отдают. Если же не послушает кто и вынесет из манастиря, да не поможет ему честный крест ни в жизни этой, ни в будущей, да проклят он будет святой животворящею Троицей и святыми отцами 300 и 50(?) семи соборов святых отцов и да постигнет его судьба Иуды, предавшего Христа. Кто же осмелится совершить такое... властелин, либо князь, либо епископ или игуменъ, либо другой какой человекъ, да будет на нем это проклятие. Евфросинию же, рабу Христову, заказавшую этот крест, ждет жизнь вечная со всеми святыми...»

В первой части текста сообщается стоимость золота и серебра, а также драгоценных камней, пошедших на украшение креста. 40 гривен — видимо, плата, полученная самим Лазарем Богшем. Это была большая по тем временам сумма: примерно столько же платили за весь комплекс работ, связанных с мощением 8000 локтей (4000 метров) деревянной мостовой или за 160 лисьих шкур. Отсюда можно сделать вывод, что Богша — зажиточный ремесленник-ювелир, лично свободный человек. Богша — его светское имя, возможно, сокращенная форма от Богуслав. Мы помним, что наличие двух имен было тогда традицией: отец заказчицы креста князь Георгий носил, например, еще одно имя — Святослав.

Вторая половина большой надписи — типичное заклятие той

эпохи, когда грабежи церквей были нередкими явлениями даже в мирное время. Бывали и случаи, когда, отъезжая, ценные предметы забирали с собою из храмов архиереи.

Любопытно, что заклятия подобного содержания были распространены как в Полоцке, так и в других древнебелорусских землях. На известном Полоцком Евангелии XII–XIV веков можно прочесть: «А хто иметь отнимати отсв. Троицы или вельможа, или попъ, иметь продавати, да будеть проклять в сии векъ и будущии». В Дрогичине археологами был найден костяной черенок ножа XII–XIII веков с надписью: «Ежъковъ ножъ, аи украдет — проклят будеть».

Первая, деловая часть сохранившегося на Кресте текста написана на так называемом древнерусском языке, а во второй автор (вероятно, сама Евфросиния) обращается к церковнославянскому и использует присущие религиозной литературе образы. В надписи чувствуется влияние живого белорусского языка с его аканьем — например, «манастырь»; это воздействие заметно и в лексике — «пискоупъ» (епископ), «древо», «злoto». Встречается в надписях на Кресте также десятеричное «i».

Гениальный художник

Уже отмечалось, что создатель Креста Евфросинии был человеком лично свободным и достаточно богатым. Это доказывают и высокая плата, полученная за исполнение заказа полоцкой игумении, и сама возможность оставить потомкам свое имя. Здесь, кстати, мы имеем дело с чрезвычайно редким исключением, ибо абсолютное большинство произведений искусства той эпохи является анонимным.

Краткая надпись на Кресте — своеобразный автограф гениального ювелира — говорит о том, что Богша был хорошо известным мастером перегородчатой эмали и само его имя уже служило гаранцией совершенства выполненной работы. Вместе с тем специалисты узнают руку создателя нашей национальной реликвии и в целом ряде других, не поданных произведений эмальерного искусства. Существуют более поздние вещи, сделанные в русле традиции Богши, а значит — его учениками и.

В отличие от мастеров-современников, которые обычно отдавали преимущество какому-либо одному техническому приему искусства эмали, Богша с виртуозной легкостью пользовался всеми. Одеждия святых на его иконках то отличаются строгим геометризмом, то свободно и живописно льются, когда ювелир использует технику, при которой перегородки как будто «дрожат».

Чтобы отдельные перегородки создавали сложный гармонический рисунок, его необходимо было держать перед глазами. Византийские мастера обозначали контуры изображения иголкой. На эмалевых изделиях из восточнославянских земель следов такой подготовки не обнаружено. Мастера, видимо, рисовали эскиз на пергаменте или же наносили контуры на вощеную дощечку, после чего на нее накладывали золотые перегородки разных форм. Затем перегородки закреплялись kleem на золотой пластинке, заполнялись эмалевой массой, и происходил обжиг. Всеми этими операциями автор Креста владел как мастер высочайшего уровня.

Во время работы над своим шедевром Богша был уже, бесспорно, человеком зрелого возраста. В пределах исторической вероятности находится и мнение о том, что Предслава-Евфросиния была знакома с прославленным ювелиром с детских лет. В его мастерской юная княжна могла выбирать себе украшения, восхищаться дивными и эмалевыми иконками и необходимыми для их рождения сложными инструментами.

Характеризуя полоцкого мастера, авторы книги «Крест — хранитель всея Вселенныя» (Минск, 1996) Л. Алексеев, Т. Макарова и М. Кузьмич пишут: «Действительно, никто из древнерусских эмальеров не был столь артистичен! Изображение Христа Спасителя не имеет себе равных среди произведений с перегородчатой эмалью русской работы... Его (Богши. — В. О.) искусство — безусловная вершина древнерусского эмальерного дела». Там же делается вывод о том, что авторство еще одного выдающегося произведения с образом Христа — медальона из Киевского клада 1824 года — несомненно принадлежит Богше. Кроме всего прочего, это может свидетельствовать, что в середине XII века полоцкий ювелир выполнял заказы великого князя киевского и, возможно, некоторое время работал в Киеве. В таком случае понятно, почему особенности его творческого подхода были заимствованы рязанским и эмальерами, проходившими обучение вки-

евских мастерских. Явные следы влияния древнебелорусского мастера встречаются и в изделиях ювелиров других русских земель.

Иначе говоря, в эмальерном искусстве Богша создал на Востоке славянства целое самостоятельное направление.

Закономерно встает вопрос, где учился своему мастерству сам Лазарь Богша. Он, безусловно, хорошо знал традиции греческих мастеров. Но искусствоведческий анализ его произведений позволяет исследователям утверждать, что полочанин был знаком также с грузинским ювелиризмом и их эмалями. Влияние грузинской школы ощущается, в частности, в передаче образов Спасителя и Богородицы, в почти полном совпадении некоторых орнаментов. На нижнем краю Креста Евфросинии, на пластинке с изображением святой Софии, помещен прямоугольник с короткими вогнутыми сторонами. Тут на белом эмальном фоне чередуются ряды синих и красных хроэзеток с крестами. Подобный мотив в русских эмалях отмечен только однажды, зато он до мелочей повторяет орнамент эмальных украшений известной грузинской иконы из Курчели. Некоторые исследователи полагают, что полоцкий мастер мог какое-то время учиться в Византии.

Что касается происхождения мастера Богши, то сегодня уже отброшены предположения об его будто бы западнославянских корнях либо о том, что полоцкий ювелир был выходцем из «Юго-Западной Руси». Имя Богши в XII–XIII веках было распространено в восточнославянских особенно древнебелорусских землях. Оно часто встречается и в более поздних документах эпохи Великого княжества Литовского. Образованная от этого имени фамилия существует в Беларуси и поныне.

Особенности именной надписи на Кресте также свидетельствуют о местном происхождении мастера.

Таким образом, мы имеем весьма веские основания называть гениального художника нашим соотечественником.

Одиссея реликвии

Помещенное на Кресте заклятие, обещавшее страшную кару тому, кто украдет либо отдаст или продаст святыню, конечно, действовало на современников Евфросинии и их потомков. И все же

страх перед проклятием не был непреодолимым. После смерти просветительницы Крест Лазаря Богши находился в Спасском монастыре недолго. Видимо, уже на рубеже XII–XIII веков его вывезли из Полоцка смоленские князья. Крест хранился у них, пока великий князь Василий III, захватив в 1514 году Смоленск, не забрал реликвию в Москву. Упомянем, что жители древнего белорусского города Смоленска глубоко почитали связанный с именем святой Евфросинии реликвию. Она находилась, видимо, в Успенском соборе или в одном из монастырей. Чтобы во время обрядов водосвятия не повредить ценные христианские святыни, в 1495 году была изготовлена довольно близкая копия креста, которую использовали в подобных случаях.

Под 1563 годом Никоновская летопись сообщает: «Когда же боголюбезный царь и великий князь (Иван Грозный.— В. О.) мыслия итти на отступников крестьянский веры на безбожную Литву, бежет тогда в его царской казне крест Полоцкий увенчан златом и камением драгим, написано же на кресте: «зделан сий крест в Полотцку повелением княжны Евфросинии и поставлен во церкви всемилостиваго Спаса, да не изнеситего ис тое церкви никто же; егда же кто его из церкви изнесет, да прииметс тем суд в день судный». Нацы иже поведают: в прежний некоида Смолняне и Полочане держаше у себя государей князей по своим волям и между себя смолняне съ полочаны воевахутся и тот крест честный Смолняне въ Полотцку взяша в войне и привезоша въ Смоленск; егда же благочестивый государь князь великий Василий Иванович всеа Русии вотчину свою Смоленск взял, тогда же и тот честный крест во царствующий град Москву привезен. Царь же и великий князь тот крест обновити велел и украсити. И тот крест взя с собою и имея надежду на милосердаго Бога и на крестьнную силу, победити врага своя, еже и бысть».

Во время осады Полоцка зимой 1563 года царь Иван Грозный становился вблизи Спасо-Евфросиниевского монастыря. Возможно, тогда, обращаясь к небу с просьбой о победе и находясь под воздействием помешенного на Кресте страшного заклятия, царь и повелел вернуть полоцкую святыню на ее извечное место. Могон сделать это и несколько позже — когда замаливал грехи после совершенных по его приказу в Полоцке кровавых преступлений. Как свидетельствуют

исторические источники, после захвата Полоцка московским войском там было уничтожено все иноверное население. 11 060 крестьян, укравшихся от захватчиков в Нижнем замке, царь роздал подчиненным. 50 000 мещан и шляхты также были взяты в плен. Тысячи голодных, кое-как одетых людей погнали по зимним дорогам на восток, в Москвию. Те, кто отказался от царской службы, вместе с женами и детьми долго сидели в кандалах по тюрьмам, а 665 пленных по приказу Ивана Грозного были убиты.

В 1579 году город взяли войска короля и великого князя литовского Стефана Батория. Вскоре церковь Спаса, где находился Крест Евфросинии, перешла киезуитам. С этого времени полочане хранили реликвию в Софийском соборе, который с конца XVI века до 1839 года был униатским храмом. Согласно подсчетам белорусского историка Анатолия Грицкевича, в конце XVIII века униаты, или греко-католики, составляли на белорусских землях не менее трех четвертей населения. Униатство стало, по сути, национальной религией.

Прекрасно понимая влияние реликвии на верующих белорусов, иезуиты начали судебный процесс с целью возвращения Креста в Спасскую церковь. Примечательно, что главным их аргументом была древняя надпись. Проиграв суд, новые хозяева Спасо-Евфросиниевского монастыря попробовали заполучить святыню хитростью. Предание сообщает, что однажды, когда на праздник Воздвижения реликвию вынесли на середину храма, посланец иезуитов подменил ее, положив на аналой подготовленную заранее подделку. Однако верующие-униаты быстро заметили подлоги и догнали похитителя на улице, возвратив святыню в собор.

Известный униатский деятель первой половины XVII века Игнатий Кульчицкий оставил следующую запись: «Будучи доктором философии в нашем монастыре, я часто наблюдал, как чтут память этой святыни монахини нашего монастыря и жители полоцкие, а также всего большого воеводства. В кафедральной церкви полоцкой поныне хранится чудесный золотой крест с разными мощами».

8 июля 1812 года в Полоцке останавливалась на дневку отступавшая из Дриссы на Витебск 1-я российская армия. Вслед за ней в город вступили войска маршала Нейя. В свое время униатские священники отказались читать в храмах послание царского Синода, где

Наполеона объявили предшественником Антихриста. Тем не менее, монахи-базилиане посчитали необходимым замуровать Крест святой Евфросинии в стене Софийского собора. Они не ошиблись: среди солдат Ноя нашлось много любителей легкой наживы. Решительно пресек грабежи только маршал Удино, чьи войска перешли Двину и заняли Полоцк 14 июля.

В замурованной нише собора реликвия находилась до начала октября, когда французы были выбиты из города.

После восстановления православного Спасского собора появились условия для возвращения реликвии на место, определенное ей некогда самой полоцкой княжной-игуменией. Перешедший в православие бывший униатский архиепископ Василий Лужинский совершил с Крестом святой Евфросинии путешествие в Москву и Петербург.

В древней российской столице Крест поместили на специальном «прекрасном налое» в Успенском соборе Кремля, который был открыт для богослужебцев с пяти часов утра до десяти вечера. «С разрешения митрополита Филарета, — вспоминал архиепископ Василий, — соборное духовенство развозило ночью упомянутую святыню с особым благословением по домам чиновничий, вельмож, князей и графов и богатых купцов для совершения в их помещениях молебствий с водосвящением... Крест сей каждое утро должен был осматривать бывший при мне ректор Полоцкой семинарии и письменно доносить об освидетельствовании его невредимости». Надо сказать, что Москву Василий Лужинский оставлял, мягко говоря, не в настроении: все собранные в Успенском соборе пожертвования у полоцкого владыки отобрали в пользу кремлевских церквей.

В Санкт-Петербурге Крест святой Евфросинии вначале положили в Синодальной церкви, а потом, по повелению Николая I, перенесли в Казанский собор. Император пожелал лично осмотреть полоцкую реликвию. Существовала реальная опасность, что святыня может навсегда остаться в Петербурге, но на царя и придворных, видимо, повлияло древнее заклятие.

23 мая (ст. стиля) 1841 года крестный ход торжественно перенес реликвию из Софийского собора в храм Спаса. Крест положили в келье, где преподобная Евфросиния провела свои последние годы.

Осенью того же 1841 года синодальной типографией Петербургской епархии была издана книга «Исторические сведения о жиз-

ни преподобной Евфросинии, княжны полоцкой с описанием и изображением креста, принесенного ею в дар полоцкой Спасской обители». Рисунок святыни сделал во время нахождения в столице архиепископа Лужинского художник Менцов, который, как сообщают документы, имел возможность работать только ночью и очень спешил. В результате это изображение Креста получилось весьма приблизительным и в ходе работы над его воссозданием никоим образом не могло заменить более поздние фотографии реликвии.

Как следует из приведенного в книге описания Креста, в тот момент он находился еще в достаточно хорошем состоянии. Из эмалей отсутствовало только изображение Григория Богослова, была стерта иконка апостола Петра и повреждено изображение Евфросинии Александрийской. В описи 1841 года нигде не упоминаются известное по более поздним документальным свидетельствам окрашенное стекло, прибитый гвоздями аметист.

Добавим, что в одной из белорусских летописей — «Хронике Быховца» — есть упоминание о дочери полоцкого князя Василия Параскеве, которая была объявлена в Риме святой под именем Прокседы. Эта княжна постриглась в монастыре Спаса над Полотой, где семь лет переписывала книги. Потом она приехала в Рим и жила в преданном служении Богу. Там умерла и была похоронена, причем в ее честь построили церковь. Некоторые авторы считают этот летописный рассказ католической редакцией биографии Евфросинии. Сохранились сведения о кресте с надписью, что в нем есть часть святого дерева, подаренного Прокседе римским папой Александром IV. Этот крест был копией Креста Евфросинии. Теперь он находится в Ярославско-Ростовском музее-заповеднике.

О существовании еще одной малоизвестной копии реликвии можно узнать из книги белорусского фольклориста, этнографа и педагога Сергея Сахарова, исследовавшего жизнь, обычай и традиции белорусов и православного населения Латвии. В книге «Православные церкви в Латвии» (Рига, 1939) он упоминает, что в Абренской церкви «находится копия ценного Креста преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой». (В августе 1944 года город Абрене был передан в состав Псковской области Российской Федерации и переименован в Пыталово.)

Экспедиция Вацлава Ластовского

Судьба Креста Евфросинии Полоцкой в советское время достойна отдельного очерка, который будет весьма напоминать детектив.

В 1921 году Крест среди других церковных ценностей реквизировали большевики. Так из-под опеки духовенства он попал под черное крыло ОГПУ, учреждения, которое занималось в стране всем, в том числе и национальными сокровищами.

С конца двадцатых годов не обеспеченная демократизацией общества политика возрождения национальной культуры, известная под названием «белорусизация», начала по команде из Москвы быстро свертываться. После публикации в 1928 году погромной статьи секретаря ЦК КП(б) Беларуси Вильгельма Кнорина «О решавших «мелочах» в большом вопросе» разворачивается подготовка к расправе с национальной интеллигенцией. Впереди бесчисленные аресты, этапы, лагеря и расстрелы...

В то тревожное время бывший премьер БНР* директор Белорусского государственного музея Вацлав Ластовский выезжает со специальной экспедицией в Полоцк. Цель — поиски бесценного творения Лазаря Богши.

Крест Евфросинии «нашелся» в местном финотделе и был перевезен в Минск.** Но над религией уже нависла угроза. Наступление на белорусскую культуру продолжалось. «Чистка» шла не только среди людей, но и среди музеиных экспонатов. Основательно перетрясали фонды и, конечно, в первую очередь в музее, во главе которого стоял такой неблагонадежный человек, как Ластовский. Часть экспонатов по приказу бдительных опекунов национальной культуры вывозили за пределы Беларуси или же просто уничтожали. Наиболее ценные вещи забирали в столицу сталинской империи. По сведениям белорусского исследователя из США Витовта Тумаша, произведенная в годы второй мировой войны ревизия инвентарных книг показала, что в 20-х—30-х годах из Белорусского государственного музея в Москву вывезли все ценнейшие иконы, всю золотую и серебряную посуду, коллекцию слуцких поясов и народных костюмов, собрание древних монет

* Белорусская Народная Республика, провозглашенная 25 марта 1918 года.

** Так страна официально называлась до 1939 г. включительно.

КРЕСТ МАСТЕРА БОГШИ

из белорусских кладов, уникальные архивные материалы. Под руководством ОГПУ происходил грабеж культурного наследия народа с целью разрушения его национального сознания.

Это преступление вначале шло под видом эвакуации ценностей подальше от государственной границы. Страх перед «интервенцией между народной буржуазии» вместе с другими, внутренними причинами породили идею переноса столицы БССР в Могилев. Город готовился к новой роли. Шло методичное уничтожение храмов, одновременно на новое место переводились республиканские учреждения, строился Дом правительства. В 1929 году в Могилев попал и Крест Евфросинии Полоцкой.

Опубликованный доктором Тумашем в «Запісах Беларускага інстытута навукі й мастацтва» в Нью-Йорке документы позволяют проследить ход этих событий.

21 ноября сотрудник отдела фельдегерской связи Полномочного Представительства ОГПУ по Белоруссии военному округу тов. Луговцов получил от начальства доверенность «на право получения ценностей из Государственного Музея, для отправки та-ковых в гор. Могилев». Доверенность подписали начальник фельдотдела А. Иванов и инструктор А. Пищик.

Тем же числом датирован и акт о передаче Креста Евфросинии в руки Луговцова. В это время В. Ластовский уже не был директором музея, однако национальную реликвию он передавал «чекисту» еще за своей подписью, поскольку, видимо, был за Крест лично ответствен. Впрочем, дадим слово самому документу, который приводится в переводе с белорусского с сохранением стиля и пунктуации оригинала.

АКТ

1929 г. 21-го ноября составлен этот акт о передаче
Белорусским Государственным Музеем в Минске
Белоруссию Музею в Могилеве
креста Евфросинии Полоцкой.

- 1) Футляр медный посеребренный, позолоченный с разбитым стеклом, в середине подобен кресту.
- б) на футляре имеются славянские надписи.

- 2) Крест изготовлен из дубового* дерева и покрыт золотом и славянскими буквами.
- 3) Под верхней поперечиной креста не достает 2-х кусков золота и дерева.
- 4) На верхней поперечине крест, который был выложен камнями, камней нет.
- 5) Внизу креста сделана надставка.
- 6) На верхнем конце креста есть вновь изготовленное изображение Богородицы (желтого металла).
- 7) Правое крыло верхней стороны креста заложено такой же вставкой нового металла.
- 8) С лицевой стороны крест обведен вокруг ниткой жемчуга.
- 9) С лицевой стороны выломаны три эмали преображения святых
- 10) 10-ть изображений святых испорчены.
- 11) В верхней поперечине в пазах 4-гранного креста 4 гнезда, в которых нет камней.
- 12) В нижней поперечине в пазах 4-гранного креста 4 гнезда, в которых нет камней.
- 13) С лицевой стороны 8 гнезд, заполненных камнями, из которых 3 наручке овальной формы, 2 синихи 1 тёмно-красн.
- 14) Направой стороне нижней поперечины круглый аметист прибит 2мя гвоздями и налевой стороне нижней поперечины белый камень.
- 15) Между верхней и нижней поперечиной белый камень овальной формы.
- 16) На верхней поперечине 2 камня белого стекла.
- 17) На обороте крест гладкий покрытый эмалью с изображением 3-х святых испорчен. Из трех гнезд реликвии одно пустое.
- 18) С верхней стороны креста положена рубчатая оковка, в которой держится жемчуг, часть ее с правой стороны под полуокруглым пазухом обломана. (Описание сделано согласно акту, составленному в Полоцке при передаче креста Ластовскому и акту приемки, составленному в Минске.)

Далее дается описание согласно акту комиссии с участием эксперта-ювелира:

1. На рукоятке 1 нижний голубой овальный камень — окрашенное стекло.

* В действительности, как уже упоминалось, — из кипарисового.

КРЕСТ МАСТЕРА БОГШИ

2. Второй снизу на рукоятке темно-красного цвета, овальный камень — гранат, ценность которого приблизительно 3—5 рублей.

3. Третий на рукоятке овальный голубой камень — окрашенное стекло.

II. На нижней поперечине слева овальный белый камень сердоликового перелива — окрашенное стекло; с правой стороны этой поперечины граненый круглый камень — аметист, поставленный значительно позже, ценность его около 1-го рубля.

III. Между нижней и верхней поперечиной овально-гладкий камень сердоликового перелива — окрашенное стекло.

IV. На верхней поперечине 2 круглых, плоских, гладких камня лунного цвета — стекло.

Всего на кресте 8 камней, из которых 6 — стекло, 1 аметист и 1 гранат.

V. Шнурок жемчуга, которым обведен весь крест, весит 32 и 5 грамма вместе с ниткой. Жемчуг весь подлинный, рододесский (?) — B. O., смешанный с так называемым еврейским, приблизительная ценность их всех около 200 рубл.

(Дальнейший текст акта дописан чернилом, рукой Вацлава Ластовского.)

Крест этот записан в книгу экспонатов Белорусского Государственного Музея в Минске под № 7591.

Крестдан, согласно распоряжению Наркомпросвещения, бывшим директором БГМ тов. Ластовским В. Ю. представителю Фельдотдела ПП ОГПУ по БВО тов. Луговцову, согласно доверенности Фельдотдела ПП от 21/XI 29 г. за № 68813 для доставки в Могилевский Государственный Музей передачи его лично директору Музея тов. Виникову В. Л.

Передача состоялась в присутствии: директора БГМ в Минске тов. М. И. Шаповалова, директора БГМ в Могилеве тов. В. Л. Виникова, зам. дир. БГМ в Минске тов. А. В. Бурдейко.

Сдал В. Ластовский (подпись).

Для передачи директору Могилевского Музея т. Виникову принял Луговцов (подпись).

Присутствовали: М. Шаповалов (подпись).

В. Виников (подпись)

А. Бурдейко (подпись)

(Следующая дописка сделана 22 ноября 1929 г. уже в Могилее.)

Определенный в этом акте крест в состоянии согласно акту

ЖИВОТВОРНЫЙ СИМВОЛ ОТЧИЗНЫ

1929 года, ноября 22 дня в девять часов вечера на месте получил от т. Луговцова, представившего этот крест по поручению БГМ в Могилевский Гос. Музей.

Директор Могилевского Гос. Музея — В. Виников
(подпись).

Крест сдал Луговцов (подпись).

Присутствовали: научный сотрудник Могилевского
Гос. Музея

(подпись неразборчивая)
(вторая подпись неразборчивая)

Круглая печать с надписью в середине:

Археографический Научный Музей.

Надпись вокруг: Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Документы свидетельствуют, что в тот же день В. Ластовский сдал Луговцову за своей подписью и переписанное в 1582 году слуцким князем Юрием Олельковичем Евангелие из библиотеки Свято-Троицкого монастыря в Слуцке. Где эта уникальная книга сегодня — тоже загадка.

Однако мы ведем речь о тайне Креста Евфросинии.

В конце XIX века член совета Полоцкого церковного братства священник М. Дубровский сделал описание Креста, которую любопытно сравнить с сведениями и представленного выше акта. Согласно первой описи, из 20 эмальных иконочек, существовавших в то время, 13 повреждены. В 1929 году три изображения святых уже выломаны, а 13 испорчены. Из всех драгоценных камней, использованных для креста, остались пустые гнезда либо появились скобы разноцветного стекла. На верхней поперечине не хватало двух кусков золота и дерева. Как видим, «воинствующие атеисты», а точнее — варвары-безбожники, засчитанные годы, несли святыне вредные сравнению с большими за все потерю предыдущих семи с половиной столетий.

Кто похитил реликвию?

По воспоминаниям краеведа и бывшего сотрудника Могилевского государственного музея Иеронима Филипповича, на новом месте

Крест Евфросинии поместили в музейную экспозицию, но многие посетители, особенно женщины, начали перед реликвией молиться и отбивать ей поклоны. Наверное, это тоже сыграло роль в перевозке Креста из музея в здание бывшего земельного банка, где в 30-е годы размещались обком и горком партии. В здании была специальная комната с массивными решетками на окнах и бронированной дверью толщиной 15 сантиметров, за которой имелась еще одна — решетчатая. Именно в этой комнате-сейфе прежнего банка в начале войны вместе с другими ценнейшими музейными экспонатами хранился Крест Евфросинии Полоцкой. По официальной версии, оттуда в 1941 году его похитили фашистские захватчики.

Но так ли было в действительности? Могилев ведь находился за полтысячи километров от государственной границы, и время позволяло провести эвакуацию сокровищ. Это и породило слухи, что реликвия отправилась в годы военного лихолетья на восток. Подобным разговорам способствовало и то, что и официальные власти, и так называемые компетентные органы почему-то избегали расследования либо проводили его тайно, не сообщая о результатах.

В 60-е годы Могилевский областной музей обратился с запросом о судьбе Креста в Эрмитаж. Оттуда поступил не подтвержденный никаким документами ответ, что Крест Евфросинии Полоцкой попал в коллекцию миллионеров Морганов и находится в Нью-Йорке.

Некоторое время спустя эта запутанная история привлекла внимание известных ученых, сотрудников Академии наук Беларуси литературоведа Адама Мальдиса и археолога Георгия Штыхова. Результатом их поездки в Могилев стало обращение к высшим республиканским инстанциям, после чего вышеназванных ученых, а также директора областного музея И. Скворцова и бывшего директора И. Мигулина вызвал к себе тогдашний заместитель председателя Президиума Верховного Совета Беларуси И. Климов, который в то время возглавлял Республиканское общество охраны памятников истории и культуры. Как вспоминает Скворцов, разговоршел примерно в таком тоне:

«Климов: Что вам нужно?

Скворцов: Мне лично ничего не нужно. Пропали ценнейшие белорусские реликвии, но им никто не интересуется.

Климов: Какие у вас есть документы?»

ЖИВОТВОРНЫЙ СИМВОЛ ОТЧИЗНЫ

Директор музея протянул чиновнику ответ из Эрмитажа о нахождении Креста в коллекции Морганов. Прочитав бумагу, Климов повернулся к И. Мигулину, возглавлявшему Могилевский музей на кануне войны: «Ну, расскажи, старик...»

И тот поделился воспоминаниями, как в первые дни войны его взяли в ополчение, а 29 июня 1941 года он с двумя такими же ополченцами оказался около города Бельниччи, где они реквизировали лошадей и вернулись в Могилев. Там он явился в областной военкомат и потребовал транспорт для эвакуации своего музея, но ничего не достиг и занялся эвакуацией жены и детей. На станциях из вагонов никого не выпускали, и о взятии Могилева немцами Мигулин узнал только на пятнадцатые сутки.

И. Климов почувствовал, заметив, что и сам знает, как тяжело было проводить эвакуацию. Беседа завершилась передачей ему копии акта об ущербе, нанесенном областному музею немецкими оккупантами.

Об этом в статье «Тайна креста» рассказал в 1990 году на страницах газеты «Советская Белоруссия» сотрудник Могилевского областного отделения Белорусского фонда культуры В. Юшкевич. Он опубликовали вышеизложенный акт, который в силу его важности для поиска в утраченных национальных ценностях приводим полностью.

АКТ

22.XII.1944 года.

гор. Могилев.

Мы, нижеподписавшиеся, комиссия в составе 3-х человек: директора музея тов. Мигулина Ивана Сергеевича, учителя Мог. пединициата тов. Авсеенкова Вячеслава Дмитриевича и инженера Мог. обл. к-ры промбанка тов. Кроера Сергея Митрофановича с участием эксперта-свидетеля художника г. Могилева тов. Пономарева Владимира Александровича составили настоящий акт об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками Могилевскому областному государственному историческому музею, находящемуся в г. Могилеве по ул. Ленинской.

Сожжено и разграблено немецкими оккупантами в 1941 году. Перечень отдельных видов разрушенного, уничтоженного, расхищенного и поврежденного имущества:

КРЕСТ МАСТЕРА БОГШИ

№№ пп	Виды имущества (по номенклатуре)	Един. изм.	Кол-во полностью разрушенного, уничтоженного, расхищенного	Стоимость причиненного ущерба (в руб.)
1.	Археологическая коллекция каменных орудий и предметов материальной культуры	Предм.	500	2.000.000
2.	Собрание белорусских рукописных старопечатных книг и грамот	Экз.	175	3.000.000
3.	Нумизматическая коллекция	Монет	18000	1 500.000
4.	Коллекция холодного и огнестрельного оружия X–XIV вв. и др. доспехов и вооружения	Предм.	280	1.000.000
5.	Коллекция образцов художественной работы по дереву белорусских мастеров XVI–XVIII вв.	Предм.	120	3.000.000
6.	Коллекция художеств. фарфоровых изделий XVII–XIX вв.	–	170	500.000
7.	Историческая библиотека	Томов	1200	500.000
8.	Ризы, оклады и др. церковная и бытовая утварь XIV–XVIII вв. Художеств. работы местных мастеров	Предм.	1900	10.000.000
9.	Коллекция икон письма XIII–XVIII вв. Работы белорусских мастеров	Экз.	150	5.000.000
10.	Крест Евфросинны Полоцкой работы византийских мастеров	Шт.	1	6.000.000
11.	Золотой, серебряный ключ гор. Могилева ювелирной работы XVIII века	Шт.	1	1.000.000
12.	«Екатерина Святая» работы Боровиковского	Масло	1	5.000.000
13.	«Иосиф Обручник» работы его же	–”-	1	4.000.000
14.	«Мария» работы его же	–”-	1	2.000.000

ЖИВОТВОРНЫЙ СИМВОЛ ОТЧИЗНЫ

15. «Христос» работы его же	-"-	1	2.000.000
16. «Портрет неизвестной дамы»	-"-	1	1.000.000
17. Портрет Зубова работы Левицкого	-"-	1	2.000.000
18. Этнографическая коллекция белорусской одежды XVII–XIX вв.			1 500.000
Всего по настоящему акту:			60.256.876

Поскольку список 1944 года был неполным, вместе с копией акта И. Климову вручили также записку с перечнем других похищенных из музея вещей, среди которых были: серебряная булава короля и великого князя литовского Жигимонта Вазы; две серебряные печати, полученные Могилевом вместе с магдебургским правом; серебряная митра могилевского православного архиепископа Георгия Канисского; большое граненое серебряное блюдо с чеканными изображениями символических сцен, посвященных христианскому царю Алексею Михайловичу; большая серебряная чаша с портретом Петра I; уже упомянутое ранее слущюе Евангелие 1582 года; несколько античных золотых вещей (ожерелье, кольца с драгоценными камнями) из раскопок Помпеи и другие уникальные ценности. В годы войны из музея пропали также знаменитые могилевская братская икона с богатейшим окладом и белыницкая икона Богородицы. Об этих святынях уже не одно десятилетие ходят упорные слухи, что они закопаны где-то в Могилеве.

После встречи с И. Климовым республиканские власти на все запросы ученых отвечали молчанием. Судьба национальных скро-вищ их не интересовала. Тогда директор музея И. Скворцов записался на прием к начальнику областного управления КГБ тов. Демидову. Тот проявил заинтересованность и пообещал заняться делом при условии, что получит команду из обкома. Но кто и какую команду дал Демидову, осталось загадкой, так как его в скором времени перевели в другое место.

Теперь вернемся к событиям начала войны. Все, кто беседовал с бывшим директором, персональным пенсионером союзного зна-

чения И. Мигулиным, обращают внимание на путаницу в его словах. Порой он вообще утверждает маловероятные вещи. Как нам уже известно, впервые дни войны Мигулина взяли в ополчение. Но ведь он был инвалидом — имел только одну руку, причем левую.

Если верить однорукому ополченцу, в здании обкома в годы оккупации стояла военная часть. Долгое время на юннату-сейф за бронированной дверью никто не обращал внимания, но однажды любопытный солдат со стороны улицы добрался по лестнице до забранного решеткой окна и увидел, что за ним нечто блестит. После этого немцы будто бы срезали тяжелые двери автогеном, обалдали от сияния серебра, золота и драгоценных камней и вывезли все неизвестно куда. Такую историю живописует Мигулин со слов неких переживших оккупацию могилевчан.

Однако сотни людей могут свидетельствовать, что старые железные двери (к тому же абсолютно целые) в бывшем здании земельного банка по улице Миронова, 33 сняли только лет пять-шесть назад, а вторые, решетчатые, по-прежнему на месте. Значит, версия с вооруженными автогеном оккупантами отпадает.

По нашему мнению, более близки к истине сообщения могилевских старожилов, что в июне 1941 года в здание банка вошла группа людей в форме НКВД, которые открыли юннату-сейф ключом, сложили ценности в подготовленные заранее мешки и отбыли в неизвестном направлении.

Если все произошло именно так, те НКВДешники были бы явно удовлетворены, прочитав в 1981 году в издающейся для зарубежных белорусов газете «Голос Радзімы» новеллу Г. Ланевского «Украденный крест». Действие в этом произведении происходит в июне 1941. Крест, конечно же, украден оккупантами, причем не из особняка, в котором некогда размещался земельный банк, а измузейя, где реликвии, как свидетельствуют факты, уже давно не было.

Двадцать пять лет назад Адам Мальдис напечатал в еженедельнике «Літаратура і мастацтва» статью «Следы предков», изложив там некоторые из приведенных хранее сведений. Шла речь и о том, что след реликвии может обнаружиться за океаном. После этого двое известных белорусов-эмигрантов Витовт Тумаш и Витовт Кипель от имени Белорусского института науки и искусства в США обратились к сотрудникам расположенных в Нью-Йорке

Моргановских учреждений — библиотеки и коллекции произведений искусства.

Попытка узнать о судьбе Креста что-либо новое не увенчалась успехом. Сообщая об этом в печати, доктор Тумаш весьма резонно заметил: помочь в поисках могли бы обнародование названий советских учреждений и лиц, которые несли ответственность за Крест накануне войны. Окончательно не опровергая и версию захвата реликвии немцами, зарубежный ученый полагал, что в тех условиях Крест могли легко прибрать к рукам «доверенные» лица партии и НКВД. В таком случае он действительно поехал из Могилева не на запад, а на восток. Однако и такой путь не исключает возможности продажи нашей святыни на аукционе (или тайно) за границу. Тем более, автор вышедшей в 1949 году в Париже книги «Св. Еўфрасіня-Прадслава» Лев Горошко писал, что «около 1930 г. появилось было в газетах известия, что большевики намеревались его (Крест. — *B. O.*) продать в Швецию».

Могилевчанин И. Филиппович предложила А. Мальдису еще одну ниточку поисков, о которой ученый рассказал в своей книге «Таянніцы старожытных сховішчаў»: «Настоятель церкви во имя Евфросинии в Полоцке Михаил Кузьменю называл фамилию другого миллиона — Рокфеллера. Как будто в архиве Рокфеллера работал в 1962 году профессор-историк из эмигрантов Владимир Скоролетти, который и видел там Крест».

За океаном

Почти на два десятилетия поиски приостановились. Их продолжил в 1990 году, оказавшись в США, известный белорусский журналист Алесь Лукашук.

Стоит заметить, что перед отъездом за океан один опытный в таких делах человек посоветовал ему никакими розысками не заниматься, ибо это, дескать, может плохо кончиться. Тем не менее, Алесь проявил завидную энергию.

Ему удалось побеседовать с художественным экспертом Рокфеллерского центра в Нью-Йорке Олив Брагози. Выслушав описание нашей национальной реликвии, она заверила, что подо-

бного креста в художественной коллекции Рокфеллеров нет и никогда не было.

По рекомендации госпожи Брагози А. Лукашук обратился в частное нью-йоркское агентство, издающее всемирный каталог похищенных произведений искусства. Однако, как выяснилось, этот каталог фиксирует только вещи, которые находятся в розыске после 1945 года, и не учитывает произведений, пропавших в годы Второй мировой войны. Не обнадежил и телефонный разговор с начальником агентства. Тот сказал, что, если Крест в Соединенных Штатах в частном собрании, найти его практически невозможно. Такая информация может выплыть на свет только случайно (например, когда после смерти коллекционера будут разыскивать наследников), да и это весьма маловероятно. То же мнение высказал А. Лукашку и один из наших соотечественников-эмигрантов, который много лет следит за каталогами крупнейших в мире аукционов по продаже художественных произведений — «Сотби» и «Кристи».

Посетил белорусский журналист и фонд Моргана. (Так называется коллекция, начало которой положило второй половине XIX века Перпонт Морган и которая теперь из-за большой культурной значимости имеет общественный статус.) Сотрудники фонда и библиотеки Перпонта Моргана на все расспросы вежливо отвечали, что ничего не знают и никакой информации предоставить не могут. Конечно, наивно было бы сразу усматривать в этом некийговор. При мерно такие же ответы, наверное, слышит большинство посетителей, что можно объяснить профессиональной осторожностью. Вспомним, сколько всемирно известных произведений искусства было похищено в последние годы в разных странах.

Попав на экскурсию в ФБР, Алесь Лукашук использовали эту возможность. Сотрудница отдела экспертизы любезно согласилась поискать какие-либо сведения о реликвии в электронной памяти своих компьютеров. Ответ вновь был неутешительный: те о Кресте Евфросинии ничего не знали.

Загадка Креста не давала покоя и Адаму Мальдису. Во время торжеств, посвященных 500-летию восточнославянского первопечатника Францишка Сюрины, случай свел белорусского ученого с доктором исторических наук сотрудником Эрмитажа Борисом Сапуновым. После литургии в Спасо-Евфросиньевском монасты-

ре из разговора неожиданно выяснилось, что петербургский гость как раз и писал когда-то ответ в могилевский музей. Он с готовностью подтвердил: Крест Евфросинии закуплен в коллекцию Моргановна auctionе в Западной Европе сразу же после войны...

Кроме того, А. Мальдису удалось узнать, что поисками Креста в 60-е годы занимался работник Эрмитажа Бебут Шелковников. Этот, судя по всему, предприимчивый человек частным образом ездил в США, стремился проникнуть в коллекцию Морганов, но проявил чрезмерное усердие и получил от них молодых людей атлетической внешности вежливое предложение утомиться. В противном случае, они не гарантировали гостю из СССР возвращения домой.

В 1966 году Шелковников опубликовал статью о Кресте Евфросинии в американском художественном журнале «Journal of glass studies», однако абзац с догадкой о том, где находится реликвия теперь, в редакции вычеркнули без согласия автора. К сожалению, новая нить расследованию ничего не дала, потому что Б. Шелковников уже покинул этот мир.

Через несколько недель после разговора в Полоцке А. Мальдис в составе официальной белорусской делегации прибыл в Нью-Йорк на очередную сессию ООН. Долг ученого и гражданина Беларуси, естественно, привел его в фонд Моргана, где состоялась встреча с госпожой Евгенией Зазовской, русской по происхождению, которая занимается в библиотеке Перпонта Моргана славянскими рукописями и редкими изданиями.

«На мой вопрос, можно ли приобрести или посмотреть каталог музеиных фондов, доктор Зазовская ответила, что о его существовании неизвестно. Что находится в подвалах здания — а там основное богатство — полностью, пожалуй, неизвестно никому», — писал А. Мальдис в своем «Нью-йоркском дневнике» в 1990 году.

Отметим одно странное противоречие. В 1974 году доктор В. Тумаш сообщал в «Запісах Беларускага інстытута науку і мастацтва» о своей попытке выяснить место нахождение Креста «и по каталогу коллекции, и непосредственными расспросами». Выходит, этот каталог был, как говорят, в наличии. Доктору Зазовской о его существовании уже неизвестно. Еще одна тайна?

Там же, в Нью-Йорке, А. Мальдис встретился с господином Антоном Шукелайтэ, возглавлявшим в годы немецкой оккупации Минский

историко-художественный музей, который в 1941-м не успели эвакуировать. Не оказался ли Крест, как ходят слухи, в Австралии? Возможно ли, что его разобрали на части, чтобы отдельно продать золото, серебро и драгоценные камни с эмалями? Вразговорах с Адамом Мальдисом и, позже, с автором этой книги господин Шукелайль высказывал мнение, что шедевр полоцкого ювелира Лазаря Богши, вероятнее всего, вывезли все же на восток. Он опровергает и версию о расчленении реликвии, и с ним трудно не согласиться, ибо стоимость золота и камней на Кресте сравнительно невелика.

Нью-йоркские поиски завершились в октябре 1990 года визитом в Моргановский фонд министра иностранных дел БССР П. Кравченко, которого сопровождали А. Мальдис и сотрудник белорусского представительства при ООН В. Счастный. Директору фонда был передан официальный запрос о Кресте Евфросинии Полоцкой. Министр объяснил, что речь идет о национальной святыне. «Если бы ее удалось вернуть на Родину, — сказал при этом П. Кравченко, — пускай за выкуп, в аэропорту реликвию встречали бы десятки тысяч людей».

Когда наступит день такой встречи и наступит ли он вообще? На вопрос своего тогдашнего руководителя Министерство иностранных дел Беларуси получило официальный ответ, что в самом фонде Моргана Креста нет. Однако фамилия Морганов имеет частные коллекции, за которые, как известует из присланного документа, администрация фонда ответственности не несет..

Следы ведут в Россию

Заметный вклад в расследование загадочной истории исчезновения Креста Евфросинии в последние годы внес сотрудник управления Комитета государственной безопасности по Могилевской области Сергей Богданович. Его перу принадлежит несколько основательных публикаций в периодике и статья под красноречивым названием «И все же след ведет на восток», напечатанная в 1997 году в двух номерах газеты «Республика».

Вначале С. Богданович восстанавливает хронологию связанных с Могилевом событий первых дней войны. 30 июня Сталин позвонил находившемуся в Могилеве тогдашнему первому секретарю

ЦК Компартии Беларуси Пантелеймону Пономаренко и дал ему санкцию на эвакуацию населения и материальных ценностей. 3 июля по радио был передан приказ кремлевского властителя об уничтожении архивов и сокровищ, которые не успели вывезти в тыл. 8 июля город оставили работники ЦК, а 15–16-го немцы замкнули кольцо окружения.

Проанализировав документы и воспоминания очевидцев, автор статьи делает вывод, что, несмотря на ряд невыясненных до конца обстоятельств, подозревать бывшего директора музея И. Мигулина в каких-либо махинациях оснований нет.

Обращаясь к версии об отношении к исчезновению реликвии сотрудников НКВД, С. Богданович упоминает, что в начале июля 1941 года в Могилев прибыла из Москвы с неким «особым поручением» группа во главе с капитаном Виктором Пудиным. Заманчиво думать, будто они как раз имели задание вывезти из комната-сейфа в бююме партии ценности, считавшиеся явещами антикварного фонда СССР. Однако в таком случае речь шла бы об особо строгом учете и контроле и о записи в специальный реестр созданного тогда фонда под названием «Золото партии». Иначе говоря, Кресты и стальные сокровища были бы, по мнению Богдановича, обязательно спасены. В итоге он склоняется к мысли, что «особым заданием» Пудина было все же налаживание на данном участке Западного фронта оперативной связи и разведывательной работы. Правда, в статье он категорично не исключается и ситуация, при которой, сопровождая ценный груз в автоколонне и попав в окружение, группа Пудина могла спрятать реликвию где-то по дороге в Россию.

Допустив вероятность (пусть себе, по нашему мнению, и весьма незначительную) такого оборота дела, нельзя не упомянуть статью кандидата географических наук А. Чертюва «Тайны глухого озера», помещенную в 1993 году в газете «Советская Белоруссия». В публикации идет речь о совсем крохотном — диаметром около 30 метров, но необычайно глубоком озерце Окница, затерянном в лесной глухомани Краснopolльшине. Автор статьи полагает, что озеро возникло в результате падения метеорита. Кроме научных данных в пользу этого свидетельствуют и местные предания о связанных с бездонным лесным «оком» небесных силах.

Однако к загадочной истории Окница имели отношение и силы

совершенно земные. Примерно в тех местах в начале последней войны прорывались из немецкого окружения части 13-й армии. «Когда линия фронта отодвинулась на восток,— пишет А. Чертков, — на озере Окнище, на северо-восточном его берегу, были спущены две рядом стоявшие сосны. По ним спускали в озеро какие-то крупные предметы. Предположительно, это было тяжелое оружие или другие предметы, упакованные в ящики...» Далее ставится резонный вопрос: зачем же так надежно прятать военное снаряжение, тем более, уже в глубоком вражеском тылу? В окрестных лесах без того было оставлено много оружия, техники и боеприпасов. С другой стороны, чтобы армейское имущество не досталось фашистам, его проще было бы уничтожить или привести в негодность. А. Чертков считает более правдоподобным иной вариант: «В озере затоплены предметы, которые невозможно было бросить или уничтожить и рискованно перевозить дальше на восток по занятой врагом территории. Это могли быть ценные вещи, эвакуированные из музеев и хранилищ Бреста, Белостока, Могилева... А что, если там захоронены сокровища Могилевской бронированной комнаты, поиски которой до сих пор безрезультатны?.. После разгрома гитлеровской Германии многие ценности возвращены на Родину. Но среди них не оказалось ни одного предмета из бесценных сокровищ Могилева, куда свозились со всей Беларуси археологические и культовые реликвии народа».

Раскрыть тайны Окнища сможет, безусловно, только хорошо подготовленная комплексная экспедиция.

Но вернемся кrozыскам, проведенным С. Богдановичем. Значительно более вероятной ему кажется версия, возникшая после получения им чрезвычайно интересного отклика на одну из собственных публикаций. 75-летний житель Могилева Петр Поддубский непоколебимо уверен, что именно он вывозил на своей машине музеиные ценности вместе с Крестом святой Евфросинии на восток.

Когда прогремели первые залпы войны, выпускник сельскохозяйственного техникума Поддубский служил в армии водителем. В разгар боев за Могилев его вызвали к начальнику городского гарнизона И. Воеводину, который поручил забрать из обюма партии важный груз. Утром 13 июля Петр подъехал к названному зданию. Несколько человек в штатском взялись грузить мешки и па-

кеты. Самые дорогие вещи упаковывали в окованый железом ящик. Поддубский услышал, как один из людей в штатском воскликнул: «Какой крест красивый!» После окончания погрузки шестеро сотрудников НКВД во главе с майором взяли машину под охрану и приказали ехать в сторону банка, где загружались мешками с деньгами еще два автомобиля.

На следующее утро небольшая автоколонна остановилась на могилевской окраине, где в кабину к Поддубскому подсели первый секретарь ЦК КПБ П. Пономаренко. Дальше машины двигались по маршруту Могилев–Горки–Смоленск–Можайск–Москва. Немецкие самолеты не разбомбили их, но катастрофы удалось избежать. По словам Поддубского, в дороге Пономаренко неоднократно повторял: «Ценности надо довезти во что бы то ни стало». Двое суток спустя машины остановились на Ленинских горах в Москве возле управления кадров Красной Армии...

Рассказ бывшего военного водителя косвенно подтверждается опубликованными воспоминаниями как самого П. Пономаренко, так и тогдашнего коменданта Могилева И. Воеводина.

Однако до сих пор ни одна из могилевских хранилищ не найдена. «Нельзя исключить, — пишет С. Богданович, — что их судьба может быть связана с Эрмитажем или музеями хранилищами Уфы и Самары, где нашли во время войны пристанище вывезенные архивы обкома партии. Словом, необходимость поиска ценностей из могилевского собрания на территории России очевидна».

В интервью газете «Звезда» (19 июня 1997 г.) с мнением могилевского коллеги в основном согласился и руководитель центра информации и общественных связей КГБ Республики Беларусь Геннадий Сенюков: «...можно предполагать, что все вещи (из Могилева. — В. О.) осели где-нибудь в провинциальном российском музее или архиве».

Далее представитель Комитета госбезопасности высказывает оптимистический прогноз: мол, если Крест святой Евфросинии действительно найдется в России, хорошие взаимоотношения между двумя нашими государствами помогут вернуть святыню.

Нам, конечно же, хочется разделить подобные надежды, но оснований для этого, к сожалению, нет.

Не каждый читатель, возможно, помнит, что в 1992 году в Мин-

ске руководители стран СНГ подписали соглашение о возвращении исторических ценностей государствам их происхождения. В соответствии с этим документом по закону наследственного владения и без срока давности Беларусь должны были быть возвращены многочисленные произведения культуры и искусства. Одна из статей соглашения предусматривала создание межправительственной комиссии, а также национальных комиссий для составления списков и описаний вывезенных ценностей.

Однако благородное начинание было загублено на юрню. Московское телевидение озвучило заявление, что российское правительство не признаёт этого соглашения, которое будто бы противоречит международным интересам. Затем выступили известные ученые, в том числе и академик Д. Лихачев. Они решительно объявили, что не допустят «растаскивания» культурных исторических ценностей по «национальным квартирам». Текст соглашения даже не был опубликован в газетах, а несколько позже российский парламент и вообще отменил его

Комментарии, видимо, излишни.

История трогательной заботы о «международных интересах» имела продолжение. В 1997 году Государственная дума России подготовила Закон о реституциях, согласно которому все находящиеся теперь на территории нашей восточной соседки культурные ценности являются ее собственностью и возвращению другим странам не подлежат.

В июне того же года Минск стал местом проведенной под эгидой ЮНЕСКО международной конференции по проблемам реституции. Форум был достаточно представлен — наряду с белорусами в нем участвовали ученые из Украины, Литвы, Словакии, России, Германии и Польши, а также сотрудники структур, которые в своих странах на государственном уровне занимаются вопросами изучения и возвращения на родину национального наследия.

В свете упомянутых выше шагов российских законодателей хозяева конференции пребывали в минорном настроении. С одной стороны, белорусские ученые сообщили, что наша страна сегодня владеет приблизительно одним (!) процентом своих культурных и исторических ценностей, большая часть которых в разное время была вывезена на восток. С другой — представитель Российской Фе-

дерации Александр Севостьянов, президент Лиги защиты национального имущества и член правления Ассоциации библиотек, музеев и архивов России, недвусмысленно дал понять, что Беларусь не стоит «будировать» проблему возвращения ценностей, ибо «волны разойдутся и создадут грозу».

Слышать такое особенно неприятно и горько, когда знаешь, что далеко не все наши национальные сокровища хранятся в зарубежных фондах с надлежащей заботой. Забегая вперед, вспомним услышанную из уст Миколы Кузьмича — автора воссозданной реликвии — грустную историю о поездке в Санкт-Петербург, где удалось отыскать негативы точных фотографий Креста святой Евфросинии, сделанные на стекле в 1896 году. Заметим, что именно они послужили современному мастеру основой для работы, так как, по сути, являются сегодня единственным мостиком, непосредственно связывающим нас с оригиналом животворного Креста полоцкой просветительницы. Когда негативы небрежно бросили на стол, художник испуганно вскрикнул: «Осторожно! Они же могут разбиться!» — «Разобьются так разобьются», — с олимпийским спокойствием ответил сотрудник Музея исторических ценностей.

Так разве не наивно ожидать в будущем передачи Креста святой Евфросинии (если он действительно в России), в то время как, например, Государственная библиотека в Москве, располагая несколькими и десятками изданий Скорины, не передала братской Беларусь ни единого. Тем более, если в нашей стране за семь лет независимости так и не выработана государственная политика отношений к собственному наследию, если реальную заботу о нем власти подменяют демагогическими лозунгами «славянского единства» и помпезными, дорогостоящими и сомнительными в эстетическом и духовном смысле действиями типа пресловутого «Славянского базара».

Таким образом, проблема поисков национальной реликвии остается по-прежнему актуальной. Не исключено, что здесь смогут помочь и читатели, владеющие неизвестными доселе фактами. Их можно сообщать в комиссию по возвращению национальных ценностей при Белорусском фонде культуры либо в Национальный научно-просветительский центр имени Францишка Скорины. В случае необходимости существует возможность обратиться инепосредственно в Интерпол, который также подключился к поискам нашей святыни, зарегистрировав ее под номером 34-1130.